

К сожалению, восточным союзникам в книге уделено гораздо меньше внимания, чем западным. Бесспорно, это оправдано ролью тех и других в мировых войнах. Однако для оценки состояния общественного сознания весьма любопытен, например, образ-перевертыш «японца» – коварного агрессора в годы Русско-японской войны, доблестного союзника на Дальнем Востоке в эпоху Первой мировой и вновь – опасного противника в межвоенный период и во Вторую мировую войну. В советскую эпоху на фоне мирового антиколониального движения и раздела мира на два лагеря образ «пробуждающегося Востока» становится устойчивым политическим символом потенциального союзника по принципу «против кого дружим».

Как бы то ни было, монография А.В. Голубева и О.С. Поршневой ценна, помимо прочего, тем, что вызывает желание вступить в диалог с авторами, «примерить» их исследовательские подходы к своей тематике, проверить собственные выводы на материале их работы. Актуальность же заявленной темы – и в общественном, и в академическом отношении – не вызывает сомнений. Динамика восприятия союзников и союзничества позволяет судить о глубинных мировоззренческих реакциях и рефлексиях значительной части российского общества не только в XX в., но и в наши дни. Многие образы союзничества и вражды – во всей их подвижности, контекстуальности и неоднозначности – живы и сегодня. И это говорит об их способности нагнетать напряжение между реальностью представлений и мнимостью фактов.

Ирина Быстрова: Война и союзники

*Irina Bystrova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences):
The war and the allies*

Монография А.В. Голубева и О.С. Поршневой посвящена исследованию одной из наиболее востребованных, актуальных и «болевых» проблем отечественной историографии последних десятилетий – взаимовосприятию России и внешнего мира. Именно в эти годы стали применяться методы и подходы исторической имагологии, разрабатывавшиеся за рубежом с 1950-х гг., в частности, началось изучение формирования понятий «мы – другой», «свой – чужой», как компонентов национальной идентичности. Будучи известными специалистами по данной тематике, авторы книги успешно решают масштабную задачу: «Изучая на конкретно-историческом материале восприятие мира российским обществом, начиная с раннего Средневековья и кончая нашими днями, мы должны поставить и разрешить такие принципиальные вопросы, как проблема открытости / закрытости общества по отношению к внешнему миру; диалектика войны и мира, врага и союзника; эволюция самого общества, его представлений о мире и самом себе; наконец его, если угодно, “культурное бессознательное”» (с. 6).

Конечно, едва ли возможно всеобъемлюще и равномерно осветить все эти сюжеты в одной монографии. Решая поставленную задачу, авторы широко используют массовые источники. Характеризуя период Первой мировой войны, они также уделяют особое внимание периодической печати, которая наряду с воспоминаниями, письмами и полицейскими донесениями отражала как стереотипные, так и меняющиеся представления населения о роли союзников в войне. Напротив, материалы советской прессы носили исключительно пропа-

гандистский характер и отражали преимущественно идеологические установки правящего режима, а не реальные настроения масс. Видимо, поэтому во второй части монографии, посвящённой советскому периоду, в значительно большей мере используются архивные документы, а также донесения органов ОГПУ–НКВД, опубликованные в 1990–2000-х гг.

В центре исследования – эволюция образа союзника в восприятии широких масс населения России и СССР на протяжении первой половины XX в. – эпохи мировых войн, революций и «строительства социализма». Особое внимание при этом уделяется формированию более или менее устойчивых стереотипов («застывших» образов, общественно-исторических мифов), связанных с представлениями о ведущих странах Запада – Великобритании, Франции, США. По мнению авторов, «для мифологизированного сознания внешний мир представляет собой “тёмную”... зону, то есть область повышенной опасности», и поскольку союзник, как и враг, являлся частью «внешнего мира», он представлялся чем-то «неустойчивым» и «потенциально враждебным» (с. 11).

Однако в условиях приближения войны и в ходе боевых действий в правящих кругах воюющих стран неизбежно возникало стремление переориентировать общественное сознание на создание положительного образа союзника, помогающего в борьбе против общего врага. Как справедливо отмечают исследователи, в годы обеих мировых войн с их невиданным размахом и тотальным характером, требовавшими полной мобилизации населения и поднятия его боевого духа, это становится неотъемлемой частью государственной пропаганды.

В частности, уже на рубеже XIX–XX вв. постепенно преодолевались предубеждения в отношении Франции, сложившиеся ещё во времена борьбы с Наполеоном и Крымской войны (с. 52–64). В 1914 г. на волне патриотического подъёма российская пресса уже активно пропагандировала выдающиеся качества французов. По мнению авторов книги, «тема достоинств национального характера, общего и различий в национальном психическом складе союзников была одной из значимых в военном дискурсе, позволяла лучше понять соратников по коалиции, осознать возможности совместной борьбы» (с. 134).

Как правило, союзники изображались носителями гуманизма и справедливости. «Идеи о справедливой войне России и её союзников за культуру, идеалы права, гуманности, против утверждения Германией права силы, милитаризма и гегемонизма ежедневно пропагандировались прессой...», – пишут авторы. – Реалии кровопролитной войны с сильным противником, психологический настрой на защиту Отечества и господствующие интерпретации внешнеполитических событий способствовали формированию образов Англии и Франции как благородных союзников России в общей справедливой борьбе, а Бельгии – как маленькой героической страны, оказавшей беспрецедентное сопротивление жестокому агрессору» (с. 95).

Вместе с тем в условиях относительного «плюрализма мнений», существовавшего в дореволюционной России, образ Англии даже в годы Первой мировой войны сохранял в общественном сознании несколько негативный оттенок, хотя представители либеральных кругов считали её образцом демократии и либерализма. Со временем важной причиной усиления недоверия к союзникам стало то, что «Англия и Франция не спешили поделиться вооружением и военными материалами с Россией, наиболее остро в них нуждавшейся» (с. 127). В 1915–1916 гг. «по мере нарастания жертв и лишений, обострения внутриполитической ситуации, поражения на фронте и людские потери стали рассмат-

риваться как результат бездействия союзников, нарушения ими требований союзнической солидарности, а то и предательства» (с. 171).

Представление о том, что «наша кровь льётся ради них», характерное для русской общественной мысли этих лет, во многом напоминало настроения, возникшие в Советском Союзе в годы Второй мировой войны, когда длительное ожидание открытия второго фронта также сказалось на репутации союзников, которым приписывалось стремление «загреть жар чужими руками». Отчасти это соответствовало реальным действиям военно-политического руководства США и Великобритании, которые в 1942–1943 гг. всячески откладывали высадку своих войск во Франции, дабы избежать лишних потерь их личного состава. Такая политика порою подвергалась критике и в средствах массовой информации самих стран-союзниц.

Не следует забывать, что после революции Советская Россия и «демократический Запад» стали непримиримыми врагами, культивировавшими враждебность в течение десятилетий. «В мгновение ока» бывшие противники стать союзниками не могли – для этого требовался определённый переходный период взаимной толерантности и относительного дружелюбия. После нападения Германии на СССР правительство Великобритании, воевавшей с Германией с 1940 г., сразу же выступило на стороне СССР. Эта позиция поддерживалась и населением, которое, узнав о нападении Германии на СССР, по воспоминаниям английских капитанов и офицеров судов, приходивших с конвоями в Мурманск, Архангельск, Молотовск, «воспрянуло духом и вздохнуло с облегчением, считая что отныне для Англии опасность миновала и что русская армия спасёт Англию»⁶.

США же формально не участвовали в войне со странами фашистского блока до 7 декабря 1941 г. Американские бизнесмены не желали оказывать экономическую помощь СССР, предвещая его быстрое поражение в войне с Германией. Общественность США находилась под влиянием антисоветской пропаганды предвоенных лет, а в политических кругах ощущались сильные традиции «изоляционизма». Президенту Ф.Д. Рузвельту пришлось долго убеждать своих соотечественников в целесообразности поддержки СССР. При этом в беседах между представителями обеих стран в годы войны не раз отмечалось, что Россия и Америка опираются на богатый опыт дружбы и сотрудничества, а у русского и американского народов есть много общих черт. Посол США в СССР адмирал У. Стэндли во время встречи с И.В. Сталиным 23 апреля 1942 г. передал ему слова Рузвельта: «Имеются все основания для традиционной дружбы между нашими народами, которая существовала... задолго до того, как американцы стали представлять собой нацию. Этим основанием служит характер наших народов. Оба народа являются реалистами, и они хорошо осознают, что недоразумения, которые иногда возникают, объясняются большими расстояниями, разделяющими их, и недостаточно быстрыми средствами связи»⁷.

Председатель Торговой палаты США Э. Джонстон во время беседы со Сталиным 26 июня 1944 г. предположил, что «русские хотят иметь дело с Америкой между прочим и потому, что они недолюбливают Англии». Сталин счёл нужным уточнить: «Англия – это страна аристократическая, а США – не аристократия. При царе Россия управлялась аристократией, но народ прогнал аристократию, и Россия стала демократической страной. Это одна из причин

⁶ АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пор. 72, папка 72, л. 36.

⁷ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 379, л. 3.

симпатий русских к Америке. Кроме того, русские рады, что американцы воюют против немцев». Джонстон также отметил, что «симпатии к русским у американцев имеют исторические корни»: «Во время американской революции ни один из автократических режимов в Европе не хотел иметь дело с Америкой. Исключением был лишь русский царь. И это американцы хорошо помнят»⁸.

В беседе с председателем Управления по делам военного производства Д. Нельсоном 15 октября 1943 г. Сталин заявил: «Русские ближе сходятся с американцами, чем с людьми другой национальности. Русским нравится простота отношений, существующая на американских фабриках и заводах между рабочими и инженерами. Их отталкивает чопорность и надменность англичан... У американцев и русских много общего в быту и в отношениях к народу. В Америке нет помещиков и нет аристократии. В России помещики и аристократия были ликвидированы... Предки американцев бежали от аристократии в другую страну, в то время как русские изгнали аристократию из своей страны». Далее в стенограмме делался вывод: «Тов. Сталин замечает, что по опыту он должен сказать, что в течение 20 лет строительства в нашей стране русские предпочитали иметь дело с американцами, нежели с другими иностранцами»⁹. В.М. Молотов также утверждал, что русским нравились в американцах их демократическая простота, деловая энергия и живой ум.

Самые острые разногласия между союзниками в 1942–1943 гг. были связаны, безусловно, со сроками открытия второго фронта в Европе. Авторы книги уделили большое внимание тому, как фактор второго фронта использовался советским руководством в пропаганде (с. 258–263). Видя в высказываниях Сталина «своеобразный камертон для всей советской пропаганды» и проанализировав его доклады от 6 ноября 1941 г. и 6 ноября 1942 г., авторы доказывают, что «отсутствие второго фронта явилось для советского руководства, и в 1941, и в 1942 г., своеобразным алиби, позволявшим свести причины неудач Красной армии к внешним факторам» (с. 258).

Вместе с тем необходимо отметить, что острые дискуссии о втором фронте велись и в обществе, и в средствах массовой информации союзных держав. Причём они заметно усилились после визита лидера республиканской партии У. Уилки в СССР и Китай в сентябре 1942 г. В то время после летних поражений на южном направлении сложилось тяжёлое положение, шло интенсивное наступление немцев на Сталинград и Кавказ, и в некоторых неофициальных выступлениях советских дипломатов проскальзывали намёки на то, что Сталинград может не устоять. В отличие от многих посещавших СССР представителей союзников, Уилки скептически относился к сотрудничеству с СССР, но поездка заставила его изменить своё мнение и стать «другом Советского Союза»¹⁰. После возвращения из СССР в массовых публичных выступлениях Уилки утверждал, что «США ещё не заявили свою определённую программу целей в этой мировой войне», и настаивал на скорейшем открытии второго фронта. Этот визит был одной из первых серьёзных попыток американской элиты наладить в том числе и личный контакт со странами, которые несли наибольшие человеческие и материальные потери в войне.

Визиты в СССР в годы войны нередко способствовали улучшению отношения представителей Запада к СССР. Настоящим «другом» и поклонником

⁸ Там же, д. 374, л. 69–75.

⁹ Там же, л. 50–51.

¹⁰ См.: *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 76–82.

русского народа вернулся из СССР в октябре 1943 г. председатель Управления по делам военного производства США Д. Нельсон. Влиятельный представитель бизнеса и военно-промышленного лобби пропагандировал идеи общности русского и американского народов, достижения советской промышленности и победы Красной армии на многочисленных митингах в США и в средствах массовой информации, помогал организовать военно-экономическую помощь. Более того, он стал горячим сторонником продолжения сотрудничества с Советским Союзом после войны.

Критики англо-американской стратегии, оттягивавшей создание второго фронта, прямо заявляли о её «эгоизме». Так, известный журналист М. Стрейт писал в ноябре 1942 г. в нью-йоркском журнале: «Советская стратегия в 1942 г. заключалась в использовании сразу всех возможных ресурсов в борьбе против немецкой армии. Мы следовали политике накопления ресурсов до тех пор, пока не будем иметь такого превосходства, что наш успех в бою будет обеспечен». Первый план генеральных штабов Англии и США предусматривал начало союзного наступления в июне 1943 г. – через месяц после того, как, по мнению его составителей, «советское сопротивление наконец рухнет». «В то время как Красная армия утверждает, что критическим годом является 1942 г., – писал Стрейт, – а англичане намекали, что, возможно, 1943 является критическим, мы действовали на основании, что 1945 г. является критическим. Для русских, китайцев и англичан – для всех народов – наше отношение означало одно: что мы готовы принести в жертву Россию, Китай и, если необходимо, саму Великобританию, ради того, чтобы обеспечить Америку от угроз победившей Германии»¹¹.

На заключительном этапе Второй мировой войны Голубев и Поршнева усматривают усиление влияния союзников не только на ход военных действий, но и на политику СССР (ропуск Коминтерна, разрешение относительной свободы вероисповедания в СССР). По мнению авторов, это вызывало в советском обществе «и надежды, и опасения» (с. 340–341). Например, согласно донесениям органов безопасности, в деревнях распространялись устойчивые слухи о грядущей ликвидации колхозов. В кругах советской интеллигенции начали размышлять о возможности «диффузии» между капитализмом и социализмом, в том числе в области политики и культуры, введении демократических форм управления и т.д. (с. 336–337). Видимо, эти настроения после освободительного похода Красной армии в Европу стали достаточно сильными и заставили руководство СССР пойти на «закручивание гаек» и усиление идеологического контроля над населением в послевоенные годы.

В монографии нельзя не отметить некоторые «неравномерности» в изложении материала. Так, авторы уделяют гораздо больше внимания образу Великобритании (и частично Франции), нежели США. Применительно к Первой мировой войне это отчасти оправдано тем, что США вступили в неё лишь в 1917 г., а Британская империя продолжала во многом «править миром» и в межвоенный период. Однако в годы Второй мировой войны роль США стремительно возросла, и образ этой страны в 1944–1945 гг. стал вытеснять образ Великобритании в общественном сознании СССР. Впрочем, эта неравномерность освещения темы не является недостатком книги. Скорее, она оставляет простор для дальнейших исследований.

¹¹ New Republic. 1942. November. P. 3–4.